

Коч Н. В.,

НПУ ім. М. П. Драгоманова, Київ

ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

У статті розглядається питання обов'язкового включення аналізу діалектного мовлення у методику когнітивно-лінгвістичного дослідження концепту, зокрема паракронічного.

Ключові слова: *концепт, вербальна презентація концепту, діалектне мовлення, зоосемізм.*

В статье рассматривается вопрос обязательного включения анализа диалектной речи в методику когнитивно-лингвистического исследования концепта, в частности паракронического.

Ключевые слова: *концепт, вербальная презентация концепта, диалектная речь, зоосемизм.*

The article deals with the question of required including of dialect speech analysis in the methodology of cognitive-linguistic concept study, of parachronic particularly.

Key-words: *concept, verbal presentation of the concept, dialect speech, zooseme.*

В современной когнитивной лингвистике широко представлены методики исследования концепта, которые, как правило, отражают синхронный подход к изучению концептуальных структур сознания. Например, этапами методики описания ментального образования сознания, с точки зрения И. А. Стернина, является выявление ядра концепта с помощью описания ключевых слов современного языка, отличительной особенностью которых есть частотность, общеизвестность и достаточная абстрактность значения; анализ семантики их синонимов, симиляров, антонимов, сочетаемости лексем; описание периферии содержания концепта с помощью привлечения паремий, афоризмов, притч и др. текстов [5, с. 61 и сл.]. Необходимости синхронного изучения “репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентантами концепта” [4, с. 23] отстаивается современными лингвистами, что объясняется предметом исследования: концептуальной представленностью структур сознания с помощью средств современного (как правило, литературного) языка.

Методика описания диахронического концепта (далее DK) имеет свою специфику, которая включает в себя обязательные компоненты (о

методике работы с диахроническими концептами см. [3]), среди которых фиксация вербальных способов выражения концепта в диалектной и профессиональной речи с целью полной характеристики семантического поля, включающего ближайшую и отдаленную информационные зоны, является одним из основных этапов исследования. Сохранение архаичных элементов первичного понятия как “следов” генетической памяти в народной речи позволяет определить ядерные составляющие концепта и степень семантических трансформаций в информационном поле концепта. Изучение диалектной лексики дополняет знания об эволюционных изменениях в ментальных и языковых структурах, в частности, объема сохранения диахронических элементов в синхроническом функциональном концепте (далее SK).

Современные диалектологи Е. Л. Березович и М. Э. Рут обосновывают понятие “ономасиологический портрет реалии” (ср. понятие “лексикографический портрет лексемы” Ю. Д. Апресяна), основанное на анализе семантики исконных диалектизмов в их отношении к соответствующей реалии и изучении словообразовательной парадигмы их дериватов [1]. Представления об объектах живой природы, в частности, о животных, презентированные номинациями самых архаичных структур языка, закрепились в первичных концептах. Описание их “когнитивного портрета” (и реалий, и их вербализаций) будет неполным без привлечения фактов диалектной речи.

Параллельное исследование материальной и духовной культуры как фоновых знаний и их средств номинации проясняет тесную связь народной речи, сохранившей указание на архаичные реликты сознания с первоначальными представлениями об объектах действительности. Такие указания, например, могут касаться характера давних заимствований и их ассимиляции в языке суперстрата. В народной речи, стремящейся оперировать только мотивированными понятиями, сохраняются давние образования на базе родного языка, а также переосмысленные заимствования. Так, уральское название лисы *тюлька* (Даль IV, 451) является измененным путем метатезы звуков словом, тюркского происхождения: *tykli* “волосатый, мохнатый, пушистый”. Непонятный тюркизм *бирюк*, прижившийся в русских говорах и обозначающий зверя-одиночку, на украинской языковой почве превращается в *одиниць* и имеет значение “дикий кабан или волк, который ходит в одиночку” (Гринченко III, 39).

На материале диалектной речи отслеживается много интереснейших фактов ложной этимологии, отражающей в полной мере первоначальное представление человека о животном. В “Записках наукового товариства імені Т. Шевченка” читаем: “Людова етимологія зробила з слова “верблюд” подекуди пр. в Чортківщині “верхоблюд”, мов би нагадуючи собі слова верх і блюдо” (ЗНТШ V, 21). Черепаху батюки “переделали”

в *чапараху* (Верх. ГБ, 301), а белорусы *вавлрку* (белку) в *боберку* (Носович, 41), *пацука* (крысу) в *лапацука* (результат контаминации *пацук* и *лапатэн* <*лапаційць* “быстро бегать” – ЭСБМ V, 235) (ср. имя зайца в украинской сказке *лапбнчик* – Гринченко II, 344). Интересная, с точки зрения анализа фактов народной этимологии, номинация *ехъчний* (кемер.), образованная, по-видимому, в результате контаминации слов *хичный* (<*хищный*) и *ехидный*: *ехичный зверь* (о медведе), *хичный* (о волке) (СРГКузб, 74, 117, 220). В восточной Сибири охотники объясняют наименование *бурундук* от *бурун*, *буря* и утверждают, что перед ненастьем этот зверек “квокчет, клокчет”, хотя, конечно же, истинная этимология слова не связана с этими явлениями природы (Фасмер I: 248).

Исследования репрезентаций оппозиции *мужской – женский* в диалектной речи, подтвердили гипотезу об обязательной представленности этой фундаментальной универсальной бинарности в структуре фаунистических понятий, которые в современном литературном языке имеют только одну родовую форму: ласка – *ластучук* (арх., новосиб.), *ластик* (яросл.), *ластовичук* (волог.), *ласточук* (перм.), *ластэк*, *ласэк* (свердл.), *лавтучйкъ*, *ластучйкъ* (арханг. шенк.); горноста́й – *горностбйка*; выдра – *выдроч*; барсук – *барсэчка* (*борсучка*); куцый (собака) – *кэцка* “собака с коротким хвостом”, *куцкю* “пес с коротким хвостом”; крыса – *крисак*, *крис*; лиса – *либвин* (дон.), *лисовън* (южн. краснояр.) (СРНГ XVI, 274-285; СРНГНО, 271; Подвысоцкий, 80; Яворницкий, 47, 394, 410) и т. п. В бойковских говорах М. И. Онишкевичем зарегистрирована архаичная оппозиция *кунб – кунь* “куница” (Онишкевич I, 394).

Именно в народной речи наиболее ярко проявляется специфика метафоризации слова, органично связывающая мир человека и мир животного. Однако довольно часто трудно установить характер метафорического переноса названия одного объекта на другой или характер связи между ними, особенно, если этимология слова не ясна. Например, невыделанная шкура животного на Рязанщине называется *хоровина* (ЖСт 1898/2, с. 225), так же называют, по сведениям М. К. Герасимова, в череповецких говорах тещу. Если принять гипотезу М. Фасмера о родственности русск. *хоровина* с др. -инд. и греч. формами, соответственно в значении “твердый, грубый” и “острый” (Фасмер IV, 264), ассоциация, связавшая два понятия, как видно, не из приятных. “Реабилитировать” тещу могла бы связь с созвучным словом *хоровитый* “хороший”, но утверждать это наверняка не представляется возможным.

Верное объяснение устаревших фразеологизмов, которые привлекаются к анализу концептов, зависит не только от знания реалий, но и от правильной интерпретации значения слов, входящих в выражение. Так, в “Слове Даниила Заточника” находим поэтическую фразему *дивіа за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати*, которая из-за

неясности семантики слов *дивия* и *буян* переводилась исследователями древнерусского языка по-разному (см. переводы Б. А. Ларина, Н. К. Никольского, Е. В. Барсова). И только сохранившиеся в народных говорах лексемы *буян* (псковск, новгор.) в значении “бугор” и *дивия* (валд., волог., арханг.) в значении “легко” (а также *добрый* “богатый; владетельный”) позволили узнать истинный смысл фразы: *как легко пасти коней за бугром, так и легко служить богатому князю* (ключевая оппозиция *конь* – *князь*).

В народной речи более активны, чем в литературном языке, словообразовательные процессы, расширяющие информационное поле концепта, в особенности его образный слой. Например, в лексикографическом издании Д. Яворницкого зафиксированы следующие дериваты с корнем *вовк-*, расширяющие концептуальное поле концепта ВОЛК: харк. *вовйга* “волк”, *вовки* “волки”, *вовколувня* “волколовня”; полт. *вовчуган* “волчище”, *вовківняк* “живущий в яме, в западне, отщепенец”, *вовківський* “волчий”, *вовк* “птицавыпь”; екат. *вовчуга* “шуба изволчьего меха”, *вовкулбкуватий* “похожий на вовкулаку, необщительный, мрачный, нелюдимый”, *вовчовудський* “где водятся волки”, “вид трясогузки”, “кладь, балка на гумне”; волын. *вовчъний* “волчий”, *вовчук* “оконце в дверях тюремной камеры”, “насекомое капустянка” (Яворницкий, 114–115). Я. Головацкий зарегистрировал в своем словаре слова: галицк. *вовкъ* “волки”, “шуба”; *вовколбѣ*, *вовколбкъ*, *вовкулбкъ*, *вовкэн* “оборотень”; *вовкъ* “волк”, “тунеядная ветвь на дереве”, “растение петров крест”; *вовчѣ*, *вовчѣтко*, *вовчѣтко* “волченок” [2, с. 409]. На буковине *вувчи́ком* называют насекомое долгоносик, *вовчкѹм* – репях (Буков., 74).

Русская диалектная речь также представлена большим количеством производных от основы *волк-*. Приведем лишь некоторые примеры: смол. *волковня* “яма для ловли волков”, *волкодлѣк* “оборотень, обращающийся в волка”, *волкорѣзина* “сорная трава”, *волк* “детская игра”, *волк пчелиный* “шершень”, *волчкъ* “палочки, соединяющие веревочки на кроснах” (они же: *собачки*, *горностайки*) (Добровольский, 77-83) и т. д.

В “Словаре белорусского наречия” репрезентированы дериваты: *вовкъ* “волчья шуба”, *вовковъна* “волчье м’ясо или животное, вырванное из волчьих зубов”, *вовковня* “волчья яма”, “опасное место”, “угрюмый лицом и взглядом” (ср. русск. *бирюк*, укр. *одинець*), *вовколбкъ* “оборотень”, *вовчѣще* “увел. к волк”, *вовченлюк* “волченок” (Носович, 62) и т. п.

Выяснение первичного элемента ядра понятия или концепта связано с привлечением данных письменных источников, фактов близкородственных языков и народных говоров, которые проясняют ту смысловую линию, от которой в конкретном языке или группе языков произведены бытующие номинации. Проанализируем, например, слово *ярец* (*ярчик*) как название молодого бобра, неоднократно встречающееся

в деловой старорусской письменности: *На Алнышэ на рэкэсь Шиховыхъ дэтей взяль конь сивь ... да два бобришка ярчики ...* (СГГД V, 10. 1491 г.). Несомненно связь данной лексемы с формами *яра* “весна” (только русск. -цслав.), *яровой* “весенний, однолетний”, имеющих ассоциативное “продолжение” в словах *солнце, яркий*. Природные условия существования нередко обуславливали связь реалий и их номинаций с основными ментальными категориями: времени, пространства, сущности и т. д. Через эту связь имена объектов приобретали темпоральную, локальную, сущностную и пр. семантику. Зоосемизм *ярец (ярчик)* таким образом “вобрал” в себя временные характеристики, которые позволили ему войти в самые различные концептосферы. Это многолинейное проникновение проясняет этимология корня *яр-*. Номинация *яра* и ее дериваты концептуально связаны со словами группы *яростный*, имеющими значения “гневный”, “сильный”, “энергичный” и т. п. Этимологический анализ, имея поэтапную процедуру, часто сталкивается с возможностью трактовать номинацию с помощью разошедшихся во времени этимологических групп, которые в дальнейшем формируют ядра различных концептов и субконцептов.

Этимологические издания посвящают номинациям *ярый* и *яровой* отдельные словарные статьи, выводя первую форму из “гневный, сильный”, вторую – из “яркий” (Фасмер IV: 559, 562–563; ИЭСРЯ II: 472–473). Согласно М. Фасмеру, *ярый* родственно греческому *ῥαῖος* “огненный, сильный, несмешанный”, “чистый” (о вине), а также Эрижбс Эш “набрасываюсь, притесняю” (Фасмер IV: 563). Другие исследователи (И. Шмидт, А. Мейе, П. Кречмер, Э. Бернекер и др.) предполагают связь *ярый* с латинским *ora* “гнев” и др. -инд. *irasubhī* “гневется”. Й. Покорни относит лексему к др. -инд. формам в значении “мститель”, “преследователь”, “колдовство”, “страшилище”, “демон” (ИЭСРЯ II: 473). В славянских языках, по сведениям А. А. Потевни, лексемы с корнем *яр(ый)* имеют значения “ярость”, “жар”, “энергичный, сильный”, “свежий”, “ожесточать”, “горький, вспльчивый, грубый”, “яростный, сердитый”, “горячий, пламенный”, “страстный”; “яркий, сверкающий”, “пестрый”, “блеск, зарево”, “сиять, сверкать” и др. [ЖСт 1891/3, с. 128], (Фасмер IV: 562–563).

Смысловое поле слов *яростный* (диал. арх. *ярый*), *ярость* пересекается с полем лексемы *яровой*, и точкой такого пересечения является понятие “яркий”, связанное с восприятием солнца (весеннего), огня и его очищающей силы и энергии. Таким образом, сила пламени яркого светила или огня метафорически заложена и в словах группы “ярый”, и в словах группы “яровой”. Все, что пробуждается, рождается весной, имеет большую силу, крепость, свежесть и чистоту. В “Этимологическом словаре русского языка” Г. П. Цыганенко подчеркивается, что у формы *ярый* возникло два направ-

ления в развитии переносного значения, выражающих внешние признаки предмета (ряд – *весенний, солнечный, сияющий, ясный, яркий, свежий, чистый*) и внутреннее состояние предмета (ряд – *весенний, теплый, горячий, возбужденный, увлеченный, смелый, гневный* и т. п.) (Цыганенко: 567).

Всеобщность и важность понятия “яркий” как первоначальной проекции культа огня, солнца в сознании выражается в том, что в словообразовательное гнездо восточнославянских слов с корнем *яр* – входят номинации, обозначающие и живую (божество, человек, животное, растение), и неживую (предметы, вещи) природу: *Ярило* “божество весеннего плодородия в славянской мифологии”, собственные имена *Ярослав, Яромер* и др., печерск. *яренка* “молодая замужняя женщина или вдова”, мезенск. *ярум* “олений пастух”, *ярчук* “щенок”; *яра* “весна”, *ярец* “май”, *ярь* “яровое”, *яровой*” посеянный весной” (о хлебе), *ярина, ярь, ярица* “овес, ячмень и др. весенние зерновые”; *ярка* “телочка, родившаяся весной”, *яровик* “молодой бычок”, *ярка* “молодая овечка” (ср. *ягенок* “животное огня”: за *яря* – *ногата* – записано в “РусскойПравде”), *ярятина* “шкурка ягненка”, *ярина* “овечья шерсть”, *поярок* “шерсть первой стрижки” (*поярковая* шапка), камч. *ярец* “годовалый бобр”, *ярун* “животное в пору течки” (ср. болг. *ярка* “молодая курица”), *яряга* “грубая ткань или одежда из грубой ткани” (первоначально из шерсти *ярки* – молодой овцы), *ярьч* “ежик” (Срезн. III: 1663; Даль IV: 679–680; Фасмер IV: 561). В этом случае в анализируемый ряд слов можно ввести лексемы *яска* “звездочка”, *яска* “зверок ласка”, *ярябь* “куропатка”, *рябчик, ястреб, рябина* и т. п.

Архаичное сознание человека зафиксировало в языке неразрывную связь “ярый” и “яровой”, воспринимаемых в наше время как отдельные понятия (концепты). В. И. Даль объясняет *ярый* как “огненный, пылкий”, “сердитый, злой, лютый, горячий, запальчивый”, “крепкий, сильный, жестокий, резкий”, “скорый, бойкий, неудержимый, быстрый, крайне ретивый, рьяный”, “расплавленный, плавкий, весьма горячий”, “белый, блестящий, яркий”, “горячий, похотливый”. *Ярым* мог быть человек, конь, баран, погода, мед, гриб, голос и пр. (Даль IV: 679–680).

Целью такого углубленного анализа понятия (концепта) и его репрезентаций в народной речи является: 1) демонстрации роли внутренней формы слова, которая может быть связана с разошедшимися во времени смысловыми линиями, вокруг которых сформировались различные семантические поля; 2) показе статусного изменения ключевой номинации в динамике; 3) презентации роли языковой метафоризации слова как следствия когнитивной метафоризации понятия; 4) доказательстве специфического вхождения генетически родственных концептов в разные концептосферы, благодаря дивергенции информационного поля абстрактного концепта на отдельные структуры конкретных концептов (субконцептов); 5) показе существенных изменений (количественных и

качественных) в ядре, приадерной и отдаленной зонах поля концепта на протяжении истории развития ключевого понятия с помощью привлечения данных народных говоров.

Литература:

1. Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономаσιологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия УГУ. – № 17. – Вып. 3. – Екатеринбург, 2000. – С. 33–38.
2. Дзєндзєлівський Й. О., Ганудель З. Словник української мови Я. Ф. Головацького // Науковий збірник музею української культури у Свиднику / Ред. У. Русинка. – Свидник: МУК. – № 10. – 1982. – 659 с. – С. 311–610.
3. Коч Н. В. Исследование концептов в диахронии как теоретическая и методическая проблема // Наукові записки. Серія: Філологічні науки. Вип. 89 (1). – Кіровоград: РВВ КДПУ, 2010. – С. 316–320.
4. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 164 с.
5. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : научное издание / [Под. ред. И. А. Стернина]. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 182 с.

Список сокращений источников:

- Буков. – Матеріали до словника буковинських говірок. – Чернівці, 1971. – Вип. 1. – 97 с.
- Гринченко – Гринченко Б. Словарь української мови: [в 4 т.] / Зібрала ред. журн. "Киевская старина"; Упоряд., з дод. влас. матер. Б. Д. Грінченко. – Київ. : Б. в., 1907–1909.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. I–IV. – М. : Русский язык, 1978–1981.
- Добровольский – Добровольский В. Н. (сост.) Смоленский областной словарь. – Смоленск: Силин, 1914. – IV. – 1022 с.
- ЖСт – журнал "Живая Старина" (издавался в 1891–1916 гг.). – СПб.
- ЗНТШ – Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. – т. V. – Львів, 1895. – 200 с.
- ИЭССРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 8 изд. – М. : Русский язык – Медиа, 2007. – Т. 1–2.
- Носович – Словарь белорусского наречия / Сост. И. И. Носович. – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1870. – 752 с.
- Онишкевич – Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. – К. : Наукова думка, 1984. – Ч. I–II.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885. – 197 с.
- СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел. Ч. I. – V. – М., 1813–1894.

СРГКузб – Словарь русских говоров Кузбасса/ сост. Н. В. Жураковская и др. – Новосибирск: НГПИ, 1976. – 233 с.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск: Наука, 1979. – 606 с.

Срезн. – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV веков: в 3-х томах. – М., 1958.

СРНГ – Словарь русских народных говоров: в 26 вып. / Под. ред. Ф. П. Филина. – М., Л. : Наука, 1965–1991.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: т. I–IV / Пер. с нем.; доп. О. Н. Трубачева. – [4-е изд., стер.]. – М. : Астрель; АСТ, 2004.

Яворницкий – Яворницький Д. І. Словник української мови. – т. 1. – Катеринослав: Слово, 1920. – 412 с.

Цыганенко – Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Радянська школа, 1989. – 511 с.